

Исламизм как историкоцивилизационный и социальнополитический феномен

Grinin, Leonid

Veröffentlichungsversion / Published Version
Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Grinin, L. (2019). Исламизм как историкоцивилизационный и социальнополитический феномен. *Философия и общество*, 2, 5-39. <https://doi.org/10.30884/jfo/2019.02.01>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer Basic Digital Peer Publishing-Lizenz zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den DiPP-Lizenzen finden Sie hier:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Terms of use:

This document is made available under a Basic Digital Peer Publishing Licence. For more Information see:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Л. Е. ГРИНИН

ИСЛАМИЗМ КАК ИСТОРИКО- ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ И СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН*

В статье не только сделан анализ исламизма как социально-политического течения, но и рассмотрены исторические и цивилизационные особенности Ближнего и Среднего Востока, которые способствовали тому, что именно здесь исламизм возник и проявляет себя особенно заметно. Показаны исторические, идеологические и социально-политические причины его появления и широкого распространения в большинстве исламских стран. Представлен очерк исторического развития исламизма, причин его побед в 1970–1980-е гг., подъема Исламского возрождения.

Исламизм является одним из самых сложных социальных феноменов настоящего времени, это многоликое, меняющееся и неоднородное движение, в рамках которого идет очень напряженная идейная и политическая борьба.

В статье обращается внимание на глубокие корни и широкую социальную поддержку исламизма населением, его многочисленные общественные функции. Дано определение исламизма и его основных течений (умеренного и радикального). Объяснены причины его многоликости, показано, что умеренный исламизм в отличие от радикального стремится интегрироваться в легальное политическое пространство, а потому может быть союзником в борьбе с радикальным исламизмом, так же как и сильные светские политические режимы.

Ключевые слова: ислам, политический ислам, исламизм, цивилизация, историко-цивилизационный феномен, терроризм, радикальный исламизм, умеренный исламизм, Исламское возрождение, реформация, «арабская

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-02-00521а-ОГН).

весна», 11 сентября 2001 г., фундаментализм, Ближний Восток, Средний Восток, исламские общества, Мир-Система.

The author considers Islamism not only as a socio-political movement, but he also examines historical and civilizational features of the Near and Middle East, which contributed to the fact that it was just the place where Islamism emerged and manifests itself as a perceptible phenomenon. Historical, ideological and socio-political reasons for its appearance and widespread use in most Islamic countries are mentioned in the article. The paper regards the historical development of Islamism, the reasons for its victories in the 1970 – 1980s, and the rise of the Islamic revival.

Islamism is one of the most complex social phenomena of the present time. It is a many-sided, changing and heterogeneous movement, within the framework of which a very intense ideological and political struggle takes place.

The author pays attention to the deep roots and broad social support of Islamism by the population, its numerous social functions. The definition of Islamism and its main trends (moderate and radical) are given in the article. The reasons for its plurality are explained. It is shown that moderate Islamism, unlike radical one, seeks to integrate into the legal political space, and therefore can be an ally in the struggle against radical Islamism, as well as strong secular political regimes.

Keywords: *Islam, political Islam, Islamism, civilization, historical-civilizational phenomenon, terrorism, radical Islamism, moderate Islamism, Islamic revival, reformation, 'Arab Spring', the 9/11 events, fundamentalism, the Near East, the Middle East, Islamic Society, the World System.*

Введение

Ближний Восток в общественном сознании ассоциируется с несколькими аспектами: нефть, нестабильность, борьба с Израилем и терроризм. Действительно, в целом Ближний Восток остается прежде всего регионом, который занимает важнейшее место в производстве и экспорте энергоносителей. И это, несомненно, подпитывает исламизм и его радикальное крыло, поскольку более тесная и гармоничная интеграция в мировое разделение труда способствовала бы развитию других идеологий и смягчению радикализма. Справедливо и то, что с момента образования там государства Израиль этот регион остается одним из самых конфликтных в мире, поскольку здесь сходятся геополитические интересы многих стран и отсюда терроризм распространяется по всей планете.

Разумеется, жизнь ближне- и средневосточных обществ значительно богаче той, что рисуют средства массовой информации. Как и в других развивающихся странах, здесь тесно сосуществуют негативные и позитивные процессы, архаика и модерн. Но, несомненно, этот регион имеет весьма характерные особенности, и едва ли не все они связаны с таким феноменом, как исламизм. О нем и пойдет речь в настоящей статье.

Многоликий, многоуровневый, меняющийся и противоречивый исламизм – предмет исследования настоящей статьи. Понять современные исламские (и тем более арабские) общества без учета влияния исламизма как одновременно идеологии, культурной среды, образа действий и образа жизни невозможно.

Несмотря на то что Ближний и Средний Восток (БСВ) не сходит с новостных лент, в Мир-Системе он играет в основном полупериферийную (а в чем-то и периферийную) роль. Но именно это и является важным источником силы исламизма. Дело в том, что мусульмане традиционно не готовы признавать превосходство Запада (и христианства как его религии, поскольку многие из них все еще отождествляют Запад и христианство). Вот почему они могут противопоставить мощи Запада лишь правильность, истинность и веру в конечную победу ислама как ведущей религии мира. А основой в таком противопоставлении естественным образом является исламизм. Но, помимо сказанного, существует еще много факторов, которые способствуют влиянию исламизма.

Понять исламизм не так просто, ведь это один из самых сложных социальных феноменов настоящего времени [Kerel 2000: 25]. Кроме того, само понятие исламизма нестабильно в условиях социальных и политических изменений [Achilov, Sen 2017: 621], вследствие чего оно меняется в связи с различными событиями. Но мы остановимся только на некоторых аспектах этого сложного явления. Прежде всего рассмотрим исторические и цивилизационные особенности Ближнего и Среднего Востока как региона, где исламизм возник и проявляется особенно заметно¹.

¹ О других аспектах см.: Гринин 2019а; 2019б; Гринин, Коротаев 2018; 2019; Grinin *et al.* 2018.

1. ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Отметим три важные цивилизационно-исторические особенности, которые проявляют себя в настоящее время и способствуют влиянию исламизма.

Во-первых, Ближний Восток (БВ) еще во многом сохраняет цивилизационные (прежде всего в плане роли религии в жизни) черты.

Во-вторых, налицо недостаточная корреляция между государственными границами и государственной психологией населения, которое далеко не всегда отождествляет себя именно с данным государством; слабость государственности в целом.

В-третьих, имеются важные условия для интернационализации некоторых идеологий и ослабления влияния государственных границ.

Рассмотрим эти положения подробнее.

Модернизация и религия. Несомненно, основная масса населения продолжает сохранять верность привычным идеологическим конструкциям, роль которых, если учесть слабость национализма на БВ (в особенности после упадка влияния идеологии арабского национализма с 1970-х гг.; см. ниже), выполняет религия или политизированная религиозная идеология – исламизм. *Роль религии (и политической идеологии исламизма, на ней основанной) на Ближнем Востоке все еще колоссальна, она – ведущая парадигма во всех сферах жизни.*

Правда, в начальный период «арабской весны» впереди была именно идеология секуляристского меньшинства, но поднялся и исламизм. А. И. Яковлев также верно характеризует некоторый дуализм восточных обществ (добавим: и не только восточных, но почти всех модернизирующихся), связанных с модернизацией. Он указывает, что на данный момент в них существуют два течения: современное модернизированное, к которому относятся вестернизированная интеллигенция и средние городские слои, и традиционное модернизированное, социальной опорой которого являются те же слои образованных людей, а также полуобразованная масса населения. Для последней политическое поведение и отношение людей к государству определяется не идеями, а их традиционной

идентификацией (национальной, религиозной, а также стремлением к спокойной жизни [Яковлев 2015: 326–327]). Это объясняет ситуацию раздвоенности во многих странах Ближнего Востока, в том числе проявившуюся в результатах выборов периода «арабской весны»². В существенной мере это относится и к Индии, но все-таки там в связи с достаточно длительными традициями выборов и демократии участие масс в выборах приучает их к следованию за определенными партиями и лидерами, а не только к их идентификации (точнее, идентификация сливается с партийной привязанностью). Это в значительно меньшей степени верно для Китая, где нация более сплоченна, а роль государства традиционно очень велика [подробнее см.: Гринин, Коротаев 2016].

Таким образом, несмотря на происходящую модернизацию (а в некоторых аспектах – благодаря ей), культурно-религиозное (идеологическое) наследие и традиции, насчитывающие от 1,5 до 2,5 тыс. лет, не могут не оказывать огромное влияние на все текущие процессы и явления, тем более в странах, где большая часть населения по-прежнему малообразованна, а религия является важнейшей скрепой для формирующихся наций (как в Саудовской Аравии, странах Залива и Магриба).

Религия и политика. В арабском мире на протяжении заметной части его истории политическая система включала в себя принцип теократии, то есть халиф считался наместником посланника Бога на земле, хотя, конечно, на самом деле он вмешивался в религиозные дела нечасто и мог порой получить отпор со стороны духовенства. При этом большую часть Средневековья (особенно в мамлюкском Египте) халифы имели значительно ограниченный объем политической власти либо их политическая власть распространялась на крайне ограниченную территорию (как при поздних Аббасадах). Фактически религия, а вместе с ней в значительной мере и общество получили большую автономию от политической власти, поскольку та обычно не могла вторгаться в целый ряд областей жизни, включая многие отрасли права [см., например: Большаков 1984; Hodgson 2009]. Только в некоторых случаях вер-

² Это сложное взаимоотношение между городским средним классом и сельскими жителями в модернизирующихся обществах на разных этапах модернизации хорошо анализирует С. Хантингтон [2004].

ховная власть претендовала на реальное главенство над религией³. Фактически такая религиозно-гражданская автономия сохраняется и сегодня во многих арабских (и некоторых других исламских) странах, особенно в государствах Залива, что существенно затрудняет проведение давно назревших реформ в правовой сфере, в области положения женщин и т. д., а также способствует интернационализации исламского фундаментализма и терроризма. При этом фундаментализм и терроризм являются одними из самых заметных глобальных влияний Ближнего Востока на остальной мир.

Таким образом, в отношении Ближнего и Среднего Востока функции религии исключительно велики и разнообразны, пожалуй, нигде они не были столь широки, как в исламе. Религия заменяла политические скрепы и право и до сих пор в некоторых отношениях продолжает их заменять (особенно это относится к некоторым отраслям права во многих ближневосточных странах). Как справедливо отмечал Е. М. Примаков [2006: 16], ни один арабский лидер не мог игнорировать традиционную глубокую религиозность населения, и даже «арабская весна» вновь это подтвердила [Гринин и др. 2016].

Религия сильна именно на низовом уровне, поскольку особой церковной организации не существует. В этом плане ислам, с одной стороны, объединяет Ближний Восток, а с другой – отгораживает его от внешнего воздействия. Ислам в отличие от индуизма гораздо сложнее адаптирует внешние влияния.

Таким образом, особая и сохраняющаяся роль религии на БСВ является важнейшей основой для роста исламизма, который может быть рассмотрен не только как политизированный ислам, но и как идеология реформированного (на особый лад) ислама.

Слабость государственности как цивилизационная черта. Ближний и Средний Восток из-за раннего созревания там цивилизации, урбанизации и формирования бюрократии, относительно слабой этничности, высокой корпоративности служителей культов, влияния кочевников и ряда других исторических особенностей создал много крупных государственных образований, но тем не менее, *исторически сложилось так, что на Ближнем Востоке не сформиро-*

³ Так было, в частности, в Турецкой империи (и то не всегда).

ровались прочные государства, в которых население ощущало бы себя народом, связанным именно с данным государством. А завоевание его арабами, образование огромных халифатов, общие религия и язык привели к тому, что арабы были склонны считать, будто религиозная составляющая жизни в принципе выше государственных, которые могут постоянно меняться, а арабская община (умма) и ислам – неизменны. Сегодня на БСВ, не считая Израиля, реально существуют три государства, границы которых поддерживаются национальным самосознанием и единством населения: Турция, Иран и Египет⁴. Что касается остальных, то в некоторых странах этот процесс внутреннего укрепления идет достаточно успешно, но в других целостность границ поддерживается главным образом в результате того, что мировое сообщество не склонно менять эти границы, хотя те или иные влияния могут изменить ситуацию. И сегодня она довольно шаткая в Ливии, Йемене, Афганистане, Ираке, Сирии и др. [подробнее см.: Гринин, Коротаев 2016].

Панарабский национализм и интернационализация исламизма. Ближний и Средний Восток представляет собой очень сложную и неоднородную в разных смыслах систему, где сосуществуют множество государств и обществ с весьма разной культурой и различными конфессиями, находящихся между собой порой в крайне напряженных и откровенно враждебных отношениях. Однако в некоторых аспектах, например, в плане языка, этничности и даже религии, Ближний и Средний Восток, пожалуй, выглядит куда более гомогенным, чем, скажем, Индия, которая является одним из самых многонациональных государств мира⁵. И важно, что данная гомогенность, созданная на основе единого арабского языка, явилась важнейшей основой как для панарабского национализма, так и для интернационализации исламизма, для того, чтобы это течение и идеология легко пересекали границы государств, делая их прозрачными.

⁴ При этом у Турции имеются проблемы с курдскими окраинами, которые стремятся к отделению.

⁵ Ее населяют несколько сотен этнических групп различного расового происхождения, говорящих на языках, относящихся к нескольким лингвистическим семьям (современная индийская статистика выделяет 1562 языка). Кроме того, население, насчитывающее более 1 млрд 200 млн человек, исповедующих различные религии, раздроблено на десятки тысяч каст и подкаст [Горохов 2011].

2. ЧТО ТАКОЕ ИСЛАМИЗМ? РАДИКАЛЬНЫЙ И УМЕРЕННЫЙ ИСЛАМИЗМ

2.1. Ислам и исламизм

Ислам и исламизм – это не синонимы, ставить знак равенства между ними нельзя. Ислам – это древняя религия с атрибутами религиозного культа и системой духовных лиц – знатоков Корана, шариата и других священных текстов. При этом такие служители чаще всего далеки от политики и стараются остаться в рамках чисто традиционной религиозной деятельности. Исламизм – это сравнительно молодая, созданная на базе ведущих религиозных идей и практик *политическая* и социальная идеология, которая призывает распространить исламские законы и традиции на поведение всего общества (всех мусульманских обществ или даже мира). Ее проводниками являются политики, обычно не имеющие духовного образования, политические группы и партии, стремящиеся к власти и влиянию на нее. Служители культа чаще всего не приветствуют исламизм, который есть, по сути дела, исламская реформация. И сегодня исламские тексты и положения начинают трактовать и воплощать на практике не духовные лица, а миряне. А это уменьшает значимость исламского духовенства.

Исламизм многим неправомерно представляется как некий нарост на теле исламских обществ. Напротив, как мы видели, он во многом отражает суть современных исламских обществ, их образ мысли и жизни, не только духовно, но и функционально пронизывает ткань общества. Поэтому даже при сильном светском государстве, запрете исламистских организаций и репрессиях против их активистов исламизм крайне сложно вытеснить из общества. Ведь он опирается на представления, которые понятны абсолютному большинству людей, независимо от уровня их образования, а именно религиозно-культурные и религиозно-политические. В этом еще одно его преимущество перед другими политическими течениями.

2.2. Многоликий исламизм

Определение исламизма, течения внутри него. Кратко исламизм нередко определяют как «политизированный ислам» или «политический ислам» [см., например: Левин 2014: 4; Игнатенко

2004: 40; Achilov, Sen 2017: 608]. Это удобно, но из-за краткости не совсем верно, так как исламизм – не только политическая, но и социальная идеология, образ жизни и действия. Нередко в определениях исламизма упор делается на то, что это радикальная идеология [см., например: Мирский 2015: 4]. Однако нельзя упускать из виду, что исламизм неоднороден, раздираем противоречиями, что едва ли не главными врагами радикальных исламистов являются не секуляристы, а умеренные исламисты [Osman 2016: 260].

Радикальные исламисты стремятся к насильственному распространению и строгому соблюдению традиций и обычаев ислама в обществе, к тотальному контролю за поведением людей, к замене светских законов шариатом, а для достижения таких целей готовы к незаконным и насильственным действиям, включая запугивание людей, терроризм и свержение правительств. Умеренные исламисты в процессе распространения своих взглядов стараются придерживаться установленных обществом законов, интегрироваться в политическую систему, бороться за власть в правовом поле, больше уважают право на свободу людей и легче готовы к заимствованиям с Запада.

Радикальный и террористический исламизм – печальная и жестокая реальность. Он представляет серьезную угрозу, жертвой которой может стать каждый. Однако из-за этой угрозы, которую к тому же по естественным причинам весьма преувеличивают, из внимания выпадает тот важнейший факт, что на самом деле *радикальные исламисты составляют очень небольшую часть приверженцев исламизма, что основной исламизм – не радикальный*. И большинство населения не являются сторонниками радикалов и фанатиков. Поэтому крайне важно не упускать из виду, что существует исламизм умеренный, порой даже мягкий, в известной мере демократический.

Важно понимать, что и в радикальном, и в умеренном исламизме есть масса различных течений и оттенков, поэтому в целом исламизм очень разнообразен и противоречив, реагирует на различные изменения, колеблется в зависимости от ситуации. Кроме того, он имеет множество уровней и проявлений: от вполне респектабельных политических партий и диспутов ученых до представлений отдельного малограмотного мусульманина, от государственно-

го уровня до групп террористов-фанатиков, от умеренных политических движений до ударных отрядов экстремистов.

Поэтому более удачными будут следующие формулировки. Это политическое движение, которое выступает за реорганизацию политической и социальной системы в соответствии с законами, установленными исламом [Ноорег 2015]. «...Исламисты – это те, кто считает, что ислам должен играть важную роль в организации общества с мусульманским большинством, и стремится реализовать это убеждение» [Poljarevic 2015].

Некоторые исследователи склонны называть исламистами только радикалов, а умеренный исламизм именовать иначе, скажем, «исламским активизмом» [см., например: Царегородцева 2017]. С другой стороны, есть те, кто сомневается в существовании умеренных исламистов. Такие подходы непродуктивны и в научном, и в практическом отношении. Во-первых, исламизм по самому смыслу слова связан с выдвижением на первый план значимости ислама и распространением его принципов на разные сферы жизни, но никак не должен обязательно требовать насильственного свержения правящего режима. Во-вторых, есть много случаев перехода умеренных исламистов в радикальные. Например, часть «Братьев-мусульман»⁶ в Египте после переворота в июле 2013 г. (см. об этом в заключении) стала вновь радикализироваться [см. подробнее: Гринин и др. 2016], и наоборот, скажем, радикальные исламисты в Иране ныне стали достаточно умеренными, чтобы соблюдать правила демократических выборов [подробнее см.: Гринин, Коротаев 2019]. А такая, казалось бы, радикальная исламистская организация, как «Хезболла», в Ливане участвует в выборах, имеет свое представительство в парламенте и, более того, входит в правительственный блок с христианскими и секулярными партиями.

Словом, неправильно и считать умеренных исламистов не исламистами, а кем-то другим, и смешивать радикалов и умеренных. Несмотря на колоссальные различия в отношении к террору, участию в политической жизни и т. п., исламистов объединяют некие общие, хотя и размытые, идеологические подходы.

⁶ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

Исходя из изложенного, можно дать такое определение. **Исламизм** – это политическое и социальное направление и идеология, широко распространенные в мусульманском мире. Он основывается на идеях высокой ценности/превосходства ислама, его правил и традиций, на необходимости строить жизнь на исполнении в том или ином объеме определенным образом понимаемых принципов ислама, на том, чтобы, сообразуясь с современными реалиями, политически объединяться вокруг людей, ставящих те или иные исламские (или рассматриваемые как таковые) идеи и принципы во главу угла в политической и социальной жизни.

3. ИСЛАМИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ

3.1. Идеологические особенности исламизма

Главное, что можно сказать: исламизм предполагает, что заветы ислама есть универсальное средство для решения всех (или почти всех) социальных проблем. «Ислам – вот решение» – это довольно популярный лозунг и сегодня. Данная религия, ее священные тексты и законы – это и кодекс поведения человека в быту, и его жизненный стержень, и программа переустройства общества, а также всей мусульманской общины (уммы). Мало того, у некоторых исламских радикалов это и вариант исламской глобализации, глобальный проект переустройства мира на началах учения пророка Мухаммада, план воплощения идеи провиденциальной избранности мусульман как спасителей человечества от разрушительных последствий секуляризма, национализма, глобализации [Левин 2014]. Таким образом, исламизм становится в ряд других эсхатологических, провиденциалистских и мессианистских идеологий (в смысле веры в конечную победу идей), как религиозных, так и светских [см., например: Pipes 2001–2002: 16]. При этом необходимо отметить, что как в глобальном социализме наряду с радикалами-сталинистами или маоистами представлены и вполне конструктивно настроенные социал-демократы, так и в глобальном исламизме представители его радикального направления сосуществуют с вполне конструктивно настроенными умеренными исламистами.

Исламизм как тоталитарная идеология всеобъемлющ. А такого рода учения и идеологии обладают весьма мощным объедини-

тельным потенциалом и организующей силой. Исламизм может работать как на самом низовом уровне, бытовом, так и на глобальном, быть основой как социальной, так и политической жизни, и, как всякая подобного рода идеология, активно вербует своих героев на этом пути.

Но, повторим, исламизм очень многолик, неоднороден, имеет много течений и толкований (в том числе и таких, которые никак нельзя назвать тоталитарными). Об этом у нас еще пойдет речь.

3.2. Исламизм и противостояние Западу

Можно также считать, что исламизм – способ противопоставления Западу с его либерализмом и другими светскими идеологиями. Поэтому его критика, даже отрицание, нередко проклятия в его адрес стали одним из столпов исламизма (особенно радикального) как идеологии⁷.

Исламизм возник как реакция на экспансию Запада (см. ниже), но стал неожиданным, побочным и явно нежеланным для Запада результатом его проникновения на Ближний Восток, его настойчивого стремления насадить там западные институты и идеи. Мало того, идеологи и лидеры современного исламизма нередко имели западное образование, путешествовали по западным странам, проходили стажировки, как упомянутый Сейид Кутб, жили там, нередко довольно долго, изучали языки, и культуру, словом, были знакомы с Западом не по книгам. Однако опыт проживания в тех странах часто превращает нейтральных мусульман в исламистов [Pipes 1995]. Соответственно, влияние последнего на исламизм, пусть и реализовавшееся в негативном для него отношении, здесь налицо. Список исламистов, учившихся и защитивших диссертации на Западе, а также работавших там, довольно велик. Один из недавних примеров – лидер движения «Братьев-мусульман», быв-

⁷ Один из лидеров египетских «Братьев-мусульман», казненный в августе 1966 г. Сейид Кутб, чьи идеи все еще вдохновляют многих исламистов и чья работа «Вехи на пути» является настольной книгой исламистов всего мира, например, писал: «Все западные государства ориентируются на один источник, на материалистическую цивилизацию, не имеющую ни сердца, ни морали, ни совести. Это цивилизация, которая не слышит ничего, кроме звука машин, и не говорит ни о чем, кроме торговли... Как я ненавижу и презираю этих людей Запада! Всех их без исключения!» [Calvert 2010: 121].

ший президентом Египта в 2012–2013 гг., Мухаммед Мурси. Он получил докторскую степень по материаловедению в Университете Южной Калифорнии, преподавал в течение трех лет в Университете штата Калифорния в Нортридже и сотрудничал с NASA в разработке двигателей космических летательных аппаратов.

Эта нелюбовь к Западу (во многом вполне заслуженная) характерна и для умеренных исламистов, тем более что критика в его отношении – в целом бесприкрытый вариант в социальной демагогии. Отрицание западных ценностей также очень широко распространено и среди людей законопослушных и мирных. Это вполне объяснимо (и не только длительной историей конфронтации ислама и христианства). Дело в том, что критика якобы бездуховной западной цивилизации в противовес духовной исламской во многом компенсирует ощущение обиды и неудовлетворения, возникающее оттого, что мусульманские общества по сравнению с западными являются отсталыми, а большинство исламских обществ – бедными. Следовательно, в целом такое противостояние между исламизмом и вестернизмом можно рассматривать как одну из очень важных глобальных дихотомий современного глобализирующегося мира. И эта дихотомия глубоко проникла в умы и сердца десятков и сотен миллионов мусульман, обычных людей без экстремистских крайностей.

Сирийский философ Садык аль-Азм пишет о настроениях, которыми проникнута современная исламская литература: «Арабы, мусульмане вообще в глубине души считают себя вершителями истории, мировыми лидерами... Мы никогда не согласимся, а тем более не смиримся с маргинальностью нашего положения в современном мире. Для нас невыносима сама мысль, что мы – объект истории, что нами руководят, нами манипулируют, используют нас в своих целях те, кто некогда сам был объектом истории и чью судьбу решали мы. Добавим к этому наше убеждение в том, что наше мировое лидерство было узурпировано, отнято у нас современной Европой, и не менее глубокую уверенность в том, что в конечном счете история развенчает узурпатора, время которого проходит, и вернет прежним историческим лидерам их законное место, статус и функции» [al-Azm 2004: 123]. Такими установками ислама

во многом определяются также и отношения образованных мусульман с Западом.

Нефтяное богатство также изменило мироощущение многих мусульман. С одной стороны, конечно, многие из них завидуют богатству и успеху западных стран, а с другой – имея нефть, они не чувствуют себя бедными (не говоря уже о мироощущении жителей стран Залива) и обиженными. И именно нефть подпитывает многие тенденции БВ, включая исламизм. Ведь она поставила Ближний Восток в особое положение и в мире, и в отношениях с Западом, придав ему огромное значение и, соответственно, повысив самооценку жителей этого региона.

Таким образом, как всякая провиденциалистская идеология, исламизм выполняет **компенсаторную функцию**, придавая жизни многих людей смысл и наполняя ее идеалами. Исламизм как объединяет общества внутри него, так и настраивает их против внешнего мира, формируя образ врага, с которым надо бороться. Исламисты тем самым улучшают свой имидж в глазах масс, не беспокоясь о реальных причинах отсталости, напротив, консервируя их, не отвечая за последствия. Вместе с тем исламисты (в особенности умеренные/постисламисты) склонны принимать многие важнейшие западные ценности и институты, впрочем, как правило, не называя их прямо «западными».

3.3. Исламизм и ценности

Исламизм со стороны может казаться чем-то ужасным и для западного человека даже невыносимым (и здесь есть значительная доля правды). В то же время умеренный исламизм, несомненно, имеет и свои положительные стороны, в том числе в моральном плане. В частности, он подчеркивает ценности коллективизма (приоритета уммы) и призывает мусульман к братству (правда, обычно только в рамках определенной ветви ислама). Также считается, и не без основания, что он приветствует приоритет духовного над материальным и ограничивает жадность наживы, требует оказывать помощь бедным и друг другу. Ислам делает всех мусульман в принципе равными перед Аллахом. В этом плане ислам и особенно исламизм демократичны, дают возможность человеку выдвинуться по своим делам и заслугам в рамках исламистского

движения независимо от его стартового уровня. Исламизм в целом моральное движение, так как опирается на каноны ислама, во многом проверенные жизнью, охраняет семейные ценности и справедливость (как они понимаются исламом и в тех трактовках, которые имеют место), исламисты запрещают блуд и пьянство, порой даже курение.

В то же время исламизм не отвергает и не презирует такие общечеловеческие ценности, как образование, стремление к богатству, улучшению жизни. Напротив, в современных условиях грамотность и способность тем самым самостоятельно постигать и толковать Коран и другие священные тексты есть достоинство и даже во многом необходимость. Среди исламистов много не просто грамотных, но хорошо образованных людей [см., например: Yapp 2004: 181].

Таким образом, исламизм представляет целую систему моральных и духовных ценностей, в ряде отношений вполне современных, которых может быть достаточно для нормальной жизни огромного числа людей и целых обществ.

В чем же проблема исламизма в отношении современных ценностей? На наш взгляд, она может быть выражена в двух аспектах. Первый: исламисты, особенно радикальные, образно говоря, смотрят не вперед, а назад. И здесь беда в зашоренности идеологов радикального исламизма, неспособных понять, что на старом невозможно далеко продвинуться [см. также: Osman 2016: 249, 251]. Второй аспект: исламисты не готовы принять ряд современных ценностей, в основном западного происхождения, которые доказали свою важность и прогрессивность в большом количестве обществ (равноправие женщин, личную свободу и др.). При этом данные ценности нередко отрицаются не потому, что кажутся дурными сами по себе, а потому, что они не вписываются в догматы исламистов (то есть они дурные потому, что противоречат Корану или шариату). В этих же рамках находится и то, что исламисты стремятся навязать остальным членам общества свои взгляды, обосновывая их тем, что они якобы имеют высшую силу, санкционированную Богом. В частности, исламисты в той или иной степени стремятся ограничить важнейшую ценность для западного человека – личную свободу, в том числе в привычках, одежде, образе

жизни и многом другом. Эта свобода ущемляется (в случае умеренного исламизма) или преследуется, наказывается (в случае исламизма радикального).

Положение женщин в исламском обществе – это одна из главных проблем взаимоотношений между Западом и исламом, одна из главных ценностей, вокруг которой постоянно кипят страсти. И реальных проблем здесь множество. Тем не менее, если не брать во внимание внешние признаки (хиджаб, одежду и т. п.), в основных аспектах права женщин признаются, в том числе в плане избирательных прав, образования, работы и многого другого (хотя и здесь есть немало проблем, но движение идет в правильном направлении).

4. ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФУНКЦИИ ИСЛАМИЗМА

Отметим, что на ряд функций обращается недостаточное внимание [см. об этом, в частности: Yapp 2004], а иногда это и вовсе упускается из виду исследователями, что искажает понимание исламизма.

4.1. Массовость, понятность, полезность исламизма

Исламизм и самоорганизация исламского общества на определенном уровне. Исламизм – не только массовое движение, это еще и форма самоорганизации населения как локального, так и – через ячейки организаций – более широкого (вплоть до панисламского) уровня. Но, возможно, особенно важна самоорганизация на локальном уровне.

Исламизм в Египте и в ряде других стран в 1920–1940-е гг., хотя далеко не сразу, оформился в виде течения, которое можно охарактеризовать как самоорганизацию общества снизу для улучшения жизни, религиозного образования, взаимопомощи и пропаганды положений ислама. Первоначально это было скорее просветительское и миссионерское общество, нечто вроде христианских средневековых монашеских орденов, когда движение за обновление веры и церкви шло снизу. Но вследствие участия в политической жизни, а затем революции 1952 г. и гонений движение «Братьев-мусульман» стало политическим и оппозиционным. Распространение «Братьев-мусульман» в различных странах способство-

вало распространению и модели самоорганизации в разных частях исламского мира. Но нужно понимать, что успехи самоорганизации исламистов вполне естественно вытекают из природы самого ислама, опоры его на общины верующих разного уровня, от местной до исламской уммы.

Такая самоорганизация позволяла аккумулировать определенные средства, собирать пожертвования и т. п. Сегодня это весьма крупные средства, «Братья-мусульмане» стали едва ли не самой богатой исламской организацией [см.: Osman 2016: 26]. Этому способствуют широкая сеть посредничества в переводах денег, денежной помощи и других финансовых операций с участием миллионов мигрантов, работающих в странах Залива, так называемая система *хавала* [*Ibid.*: 23–24], прямое или косвенное участие в бизнесе, пожертвования и т. п. Это позволяет создавать систему госпиталей, школ, строить мечети и совершать множество других дел, которые, с одной стороны, становятся крайне необходимыми для жизни масс людей, а с другой – не могут не вызывать одобрение и не повышать авторитет исламистских организаций (заметим, однако, что после контрреволюции 2013 г. ассоциация «Братьев-мусульман» в Египте была запрещена).

Самоорганизация снизу позволяла реализовывать ряд функций, важных для населения и самовыражения низов общества, в том числе давала возможность проявить себя значительному количеству людей. В противоположность властям, которые, как правило, не замечают простых людей, в этой организации человек и его дела могут быть в центре внимания. Кроме того, стоит упомянуть и создаваемые снизу своего рода комитеты по поддержанию нравственности, которые контролируют поведение и мораль мусульман. Как справедливо подчеркивал С. Хантингтон, в сущности, исламистские группы создали исламское «гражданское общество», которое дублировало, превосходило и нередко заменяло собой деятельность зачастую слабых институтов светского гражданского общества [Huntington 1996: 111–112; см. также: Woltering 2002: 1140 и др.; Berman 2003: 260; Ismail 2006: 100].

Исламские организации сосредоточили внимание на жизни сельских и общинных жителей во многих регионах Египта, особенно в самых бедных районах, а также на представителях, говоря

социологическим языком, так называемых групп риска. К тому же частные, массовые и добровольные организации под управлением исламистов стали важными проводниками социальных благ, обычно исходящих от государства. Как выразился один активист, «мы оказываем людям услуги, которые они не в состоянии себе позволить, или когда государственных услуг нет совсем» [Ismail 2006: 100].

В целом масштаб деятельности исламистских организаций огромен. По подсчетам Александра Игнатенко, в середине 2000-х гг. в мире действовали более 500 исламистских НПО, то есть неправительственных организаций [Игнатенко 2009: 181].

Полезно заметить, что в случае ослабления государственности потенции самоорганизации в исламизме могут проявиться весьма ощутимо. Так, например, спустя всего 3–4 года после распада Советского Союза на фоне слабеющих позиций органов власти стали проявляться и актуализироваться традиционные институты самоорганизации общества, среди которых религиозный оказался одним из самых сильных. И в результате на Северном Кавказе появились джихадистские группировки [Исламские... 2017: 562; Кисриев 2017: 203–250]. Самоорганизация была налицо и на территориях, где больше не действовали государственные органы Ирака и Сирии.

4.2. Социально-политические функции

Исламизм многолик не только в концептуально-практическом плане. Исламизм (и об этом мало говорят) очень многолик в плане своего функционала и способности заменить другие институты (включая и государственные, как уже сказано выше). Этому способствует *неопределенность главных, фундаментальных положений ислама*. Неудивительно, что среди разных исламистов можно найти совершенно разное понимание того, что собой представляют законы ислама. Это также объясняет гибкость и приспособляемость исламизма. В итоге очень многое может быть как одобрено, объяснено Кораном и священным преданием, так и запрещено, осуждено. Это, по сути, адаптирует ислам к ситуации, не запрещая многое из того, что сегодня имеет место (особенно образование, использование современных технологий, контактов и т. п.). В случае за-

крепления каких-либо явлений (например, участия женщин в политике) объявляют, что ислам всегда поддерживал это (либо, напротив, всегда боролся с тем, что осуждается в современной жизни); таким образом, запрещенное в случае необходимости может быть разрешено и т. п. Следовательно, исламизм, являясь политизированной формой религии, может склоняться в зависимости от обстоятельств либо к прагматизму, либо к фундаментализму, что делает возможности его приспособления к изменениям весьма высокими.

Впрочем, гибкость и приспособляемость характерны и для других универсальных и тоталитарных идеологий: например, хотя марксизм прямо говорит о том, что частная собственность – это зло и она должна быть отменена, социал-демократы и даже китайские коммунисты вполне допускают частную собственность и признают ее исключительную важность. Национал-социалисты в Германии признавали арийцев высшей расой, но при этом оказывали уважение азиатам-японцам как своим союзникам.

Исламизм – это форма объединения общества в мусульманском мире, форма единой культуры. Ислам – мировая религия, которая ставит на первое место не этничность и не принадлежность к конкретному государству, а принадлежность к мусульманской общине (умме). В исламизме (особенно радикальном) одно из главных положений – превосходство ислама над другими религиями и вера в его будущую победу во всем мире. Даже те, кто рассматривает это положение как абсолютно далекое от исполнения, тем не менее обязаны его учитывать. Таким образом, исламизм становится идеологией, которая потенциально способна объединить сотни миллионов человек в десятках стран. В определенной мере это уже произошло, но на пути к реальному объединению стоит много неразрешимых сложностей, во-первых, вследствие того, что исламисты расколоты и враждуют друг с другом, во-вторых, потому что идет постоянная борьба между исламизмом и светским направлением развития.

Выше мы рассматривали функции исламизма в макромасштабе (всей исламской общины, всего исламского мира). Но исламизм, как уже было сказано, является многоуровневой идеологией. Соответственно, его функции можно проследить и на уровне отдельного государства.

Функция политической оппозиции. Уже упоминалось, что в целом ряде стран исламизм – это оппозиционное движение, которое, даже находясь в подполье, не дает авторитарным режимам забыть о том, что оппозиция существует, может оказать сопротивление, а при честных выборах – прийти к власти. Таким образом, наличие исламистов сдерживает авторитаризм.

Контролирующая функция исламизма. Исламизм способен тем или иным образом влиять на власть и элиту, заставляя ее делать определенные вещи. Исламисты стоят во главе организации борьбы за выполнение конкретных требований и т. п. Следовательно, с этой точки зрения исламизм – определенный контроль общества над властью и институтами общества. Он помогает также донести свой протест в мире несправедливости до тех, кто его может услышать, а также объединять разрозненные группы оппозиционирующих и фрондирующих представителей свободных профессий и интеллектуалов (нечто вроде масонских лож). Например, к концу 1990-х гг. египетские «Братья» составляли большинство в руководящем составе профсоюзов адвокатов, врачей, инженеров, университетских преподавателей и т. д. [Ахмедов 2009: 150].

Борьба за нравственность. Напомним, что исламисты весьма активно выступают в роли добровольной полиции нравов даже в некоторых из тех стран, где они у власти не находятся. К их заслугам можно отнести, в частности, искоренение проституции во многих исламских странах, что способствовало уменьшению распространения в них СПИДа [см., например: Коротаев и др. 2014]; борьбу против торговли спиртным. Как мы уже говорили, исламисты поддерживают и семейные ценности, порой осуществляют контроль за порядком в определенных районах и на определенном уровне.

Функция социальной мобильности. Исламизм выступает как мощный социальный институт, который представляет возможность социального лифта для многих людей. Соответственно, это дает значительные перспективы проявления себя тем, для кого обычные пути достижения карьерного роста, успеха в бизнесе и т. п. связаны с рядом трудностей. Исламизм – массовое и низовое движение для рядовых людей, дающее им множество возможностей проявить себя, развить свои способности, заслужить авторитет, сделать карьеру.

еру и т. д. (в то время как сложившаяся социально-экономическая и политическая система не дает им шанса достичь каких-то значимых успехов).

Исламизм как расширение участия людей в религиозных толкованиях и проповедовании. Кроме того, произошедшая своеобразная исламская реформация расширила возможности для религиозных людей толковать священные тексты, писать и выступать на эту тему и тем самым делать свою духовную карьеру. Таким образом, благодаря исламизму толкование священных текстов, проповедование в разных видах выходит далеко за рамки традиционного исламского религиозного обычая. Фактически «кадровое» духовенство теряет известную долю своей популярности, будучи вынужденным уступить ее неофициальным исламистским духовным лидерам. Кроме того, официальная религия как доминирующая мировоззренческая норма ориентирована на сохранение существующего порядка вещей и уже только поэтому не может быть идеологией политической оппозиции.

5. ИСЛАМИЗМ: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

Зарождение и укрепление исламизма (конец XIX в. – 1960-е гг.). Основные концепты исламизма как идеологии были заложены еще в конце XIX в. в трудах исламских мыслителей-реформаторов, таких как Джамал ад-Дин ал-Афгани (1839–1897), Мухаммад Абдо (1849–1905) и др. Современный исламизм как идеология и практическое движение возник при попытке найти противовес западному влиянию на исламские общества, в ответ на колониальную экспансию Запада, поражение Османской империи в Первой мировой войне, передачу в колониальное управление Англии и Франции ее территорий в Сирии и Иордании, отмену Халифата Кемалем Ататюрком в результате турецкой революции (1918–1923) и свержения султана.

1920–1930-е гг. – это период становления исламизма снизу и как идеологии, и как организационной деятельности, и как структуры, включая создание боевых групп и органов. Это происходило главным образом в двух странах – Египте и Индии, то есть странах, борющихся против зависимости от Англии (и этот тренд был предвестником нового поворота в развитии глобализации, когда число

независимых государств начнет расти). Это выразилось, в частности, в активизации Всеиндийской мусульманской лиги в Британской Индии (действующей особенно активно на территории современного Пакистана и Бангладеш) и организации в 1928 г. в Египте движения «Братья-мусульмане» во главе с Хасаном ал-Банной. Несколько позже, к концу 1940-х гг., влияние «Братьев-мусульман» распространится и за пределы Египта в Иорданию, Сирию, Ирак [Osman 2016: 4]. Таким образом исламизм и организационно стал международным, но его значение в целом было еще небольшим.

1940–1960-е гг. Это был период, очень важный для исламского мира. Во-первых, возник ряд новых самостоятельных государств с мусульманским населением из бывших колоний. Среди них Ирак, Иордания, Ливан, Индонезия, будущая Сирия, Пакистан и др. Во-вторых, образовалось государство Израиль, непрерывная борьба которого с окружающими исламскими странами (а первая война имела место уже в 1948 г.) сделало это противостояние предметом интересов всего мира. В-третьих, почти все новые государства имели светский режим, правители и правящая элита были в целом враждебны исламистам, частично преследовали их. Укреплению светских режимов способствовало и то, что в ряде стран произошли национальные революции (в виде военных переворотов с далеко идущими последствиями: в Египте в 1952 г., в Ираке в 1958 и 1963 гг., в Ливии в 1969 г. и др.) и у власти оказались сильные лидеры, имеющие влияние далеко за пределами арабского мира (как Г. Насер). Неудивительно, что в этот период, который продлился до начала 1970-х гг., исламизм в арабском мире был отодвинут на задний план идеологией арабского национализма, а также и другими идеологиями (социализма, неприсоединения и т. п.).

Победы исламизма в 1970–1980-е гг. 1970-е годы стали десятилетием триумфа мусульманских стран в ряде отношений и способствовали подъему политического исламизма, быстрому распространению исламистских идей во многих мусульманских обществах. Среди этих достижений:

1. Подъем цен на нефть в 1973–1979 гг. и рост значения ОПЕК, в которой Саудовская Аравия и страны Залива стали играть ведущую роль, но в которую вошли и государства из разных регионов, в том числе неисламские. Это стало заметным переломом в ислам-

ском мировоззрении. Кроме того, появились мощные финансовые средства как для независимого от Запада развития, так и для финансирования исламистских организаций.

2. Победа исламской революции в Иране в 1979 г. и рождение идеи ее экспорта. Вместе с тем Иранская революция способствовала активизации США в борьбе с исламизмом.

3. Начало подъема исламского движения в Афганистане. Победа над СССР (а именно так и был воспринят радикалами вывод советских войск) весьма способствовала повышению самооценки у радикальных исламистов. Кроме того, образовалось исламистское государство талибов.

4. Общий подъем идей исламизма в мусульманском мире (см. об этом ниже).

1990-е гг. и рост радикализма. Девяностые годы прошлого века были важными для роста исламизма по ряду обстоятельств. В данный период сложились подходящие для этого финансовые, демографические и политические условия. Во-первых, поднялся международный исламский терроризм (прежде всего в виде «Аль-Каиды»⁸). Во-вторых, активизировались исламские движения на Балканах (в Боснии, Албании, Косово). В-третьих, быстро росли исламские общины в Европе. В-четвертых, произошла экспансия исламизма на исламских территориях бывшего СССР, а подъем чеченского сепаратизма и временная победа чеченцев в войне с Россией будто подтверждали возможность победы над сверхдержавой, которой все еще считали Россию.

Наконец, США продолжали использовать исламизм в качестве геополитического оружия для достижения своих целей, в том числе в Южной Европе, на Балканах, в бывшей Югославии, на Северном Кавказе и некоторое время на территории государств Средней Азии. Особенно печальные итоги этого – ситуация в Косово, которое, по мнению обозревателей, стало отвратительной наркомафиозной аферой под видом государства [Escobar 2017].

2000-е и 2010-е гг. Роль США и Запада в росте радикального исламизма. В результате поддержки террористического исламизма

⁸ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

с разных сторон он постепенно стал превращаться в международный, от которого теперь может пострадать любая страна. Особенно это стало очевидным после активизации «Аль-Каиды», открытого объявления ею войны США и терактов 11 сентября 2001 г. Эти события потрясли не только американское общество, но и весь мир и в итоге привели к американскому вторжению в Афганистан. В 2003 г. США вторглись в Ирак и быстро свергли режим Саддама Хусейна. Вся эта операция, базировавшаяся как на надуманном поводе, так и на неверном анализе последствий, привела к началу дестабилизации Ближнего Востока, последствия чего ощущаются и сегодня. С конца 2010 г. началась цепь революций и затем контрреволюций в ряде арабских стран, получивших название «арабской весны». Свержение в ее ходе устойчивых режимов в этом смысле стало новым актом разворачивания радикального исламизма [об «арабской весне» и роли в ней исламистов см.: Мирский 2015; Гринин 2012; Гринин, Коротаев 2016; Гринин и др. 2016].

Очевидно, что сдерживающим исламизм фактором может выступать прежде всего сильная светская власть. А сильная власть на Ближнем Востоке – это пока авторитарная власть. Между тем влиятельные светские правители всегда были не по нраву США и их союзнику – Саудовской Аравии. В итоге устранение авторитетных светских лидеров в Ливии, Египте, Йемене, а также попытка свержения власти в Сирии только усилили разгул исламизма, причем в его самых грубых и жестоких формах, наиболее экстремистского и радикального исламизма, синонимом которого становится терроризм.

Таким образом, США несут большую долю ответственности за распространение и укрепление радикального исламизма.

6. ПРИЧИНЫ ПОДЪЕМА ИСЛАМИЗМА

Конец 1970-х гг. стал очень крутым поворотом в развитии и подъеме исламизма. В итоге начался процесс, получивший название «Исламское возрождение», и у него были огромные успехи в 1980–1990-е гг. Этот период ознаменовался мощным подъемом исламистского движения в разных странах. И такого поворота не ожидало абсолютное большинство аналитиков и политиков в мире. Исламское возрождение представляло собой широкое интеллекту-

альное, культурное, социальное и политическое движение, базирующееся на религиозной основе и стремящееся навязать обществу строгое соблюдение обычаев и правил ислама, распространившееся на весь исламский мир. Напомним, что также начинается подъем нефтяных цен и быстро растет значение нефтедобывающих стран Ближнего и Среднего Востока. С этого же времени усиливается и терроризм.

Почему стало возможным Исламское возрождение?

1. Прежде всего потому, что оно имело огромную поддержку населения. Эта поддержка в значительной мере коренилась также в особенностях исламской религиозной жизни, в частности, в ее демократичности, отсутствии церковной иерархии, народности ислама, автономии религиозной жизни от государства.

2. Исламизм с самого начала формировался как альтернативный путь модернизации исламских обществ. Особенно заметно это стало именно в период Исламского возрождения, которое можно расценить как попытку модернизироваться, не заимствуя западные ценности и институты, а, напротив, на основе возврата к якобы нетленным ценностям раннего ислама [Хантингтон 2003: 162]. В этом смысле исламизм позволяет развиваться и адаптировать достижения Запада, не теряя собственной идентичности. Разумеется, исламизм отнюдь не доказал своей наибольшей эффективности в плане модернизации, что сказывается на замедленных темпах развития исламских обществ.

3. Рост образованности в исламских странах тоже способствовал подъему исламизма. Хотя здесь и стало довольно много образованных людей, но еще больше было малограмотных и значимое число – неграмотных. А это благоприятный уровень именно для религиозной реформации, когда большое количество верующих людей перестает просто слушать проповеди официальных служителей культа, а пытается самостоятельно читать и толковать священные тексты. При этом у людей открываются глаза на расхождение между тем, что там написано, и реальностью, что ведет к изменению их сознания и поведения. В дореволюционной России в отношении образования была похожая ситуация: наряду со значимым количеством европейски образованных людей многие были полуграмотными, а огромное число – вовсе неграмотными. Но сре-

ди молодежи людей с начальным уровнем образования было большинство.

4. Подъему исламизма способствовало возникновение идеологического вакуума в результате упадка арабского национализма, а также левых (социалистических) и либеральных (западных) идеологий.

5. Очень удачно для развития исламизма наступил нефтяной кризис, увеличилось богатство исламских обществ, что резко стимулировало рост исламизма и радикализма.

6. Исторические причины указаны в разделе 1. Здесь добавим следующее. Если искать исторические аналогии для Исламского возрождения, то наиболее продуктивной будет аналогия с Реформацией в Европе в XVI–XVII вв., когда религия воспринималась не просто буквально, но вера была тем важнейшим делом, за которое воевали, отдавали жизни, расправлялись с инакомыслящими, вводили в обществах цензуру и самоцензуру. Здесь уместно вспомнить, что вторая половина XV и начало XVI в. в Европе (в частности, в Германии и Италии) были довольно вольнодумными, появился целый ряд писателей, критикующих церковь, власть и вообще порядки. Конечно, их всех было за что критиковать. Но с распространением лютеранства и тем более кальвинизма свобода слова была существенно сокращена. Аналогично (разумеется, с существенными оговорками) можно сказать, что в период до конца 1970-х гг., а в ряде исламских обществ – и позже, условного «вольнодумства» в плане одежды, поведения и свободы, умалявших мусульманские каноны, и прочего было существенно больше, чем сейчас [о влиянии Реформации в Европе на формирование современного типа государственности см.: Гринин 2009; 2010; Grinin 2011; 2012].

7. Геополитические причины. Имело значение и геополитическое положение Ближневосточного региона, во-первых, как нефтеносного, а во-вторых – как арены столкновения социализма и капитализма, СССР и США.

Наконец, как уже сказано, очень важной причиной роста радикализма было вмешательство в жизнь исламских обществ, поскольку падение государственного порядка способствует резкому росту радикализма, экстремизма и терроризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция исламизма в разных обществах. Исламский феминизм. Исламисты не всегда оказываются враждебно настроенными по отношению к современности, напротив, многие из них (особенно среди умеренных исламистов) являются ее сторонниками [см., например: Modernizing... 2003]. Если говорить об эволюции исламизма, то исследователи отмечают существенные перемены в нем за последние десятилетия [см., например: Osman 2016: 239]. Прежде всего, конечно, это стремление многих групп вписаться в политический ландшафт и участвовать в выборах. При этом в ряде стран (например, в Иране или Тунисе) женщины активно участвуют в выборах и некоторые становятся депутатами парламентов. В целом, несмотря на усиление строгости в отношении одежды женщин почти во всех исламских обществах и во многих общинах вне исламских обществ, роль женщин в жизни социума повышается, а их положение постепенно улучшается. При этом важно понимать, что чем больше женщины участвуют в политической жизни, тем больше шансов на дрейф от радикального ислама к умеренному. Дело в том, что в целом исламские женщины более склонны поддерживать политически умеренный ислам, чем мужчины, даже если учитывать другие социальные параметры (например, социальную группу, образование, политическую активность) [Achilov, Sen 2017: 618].

Что касается ситуации в мусульманских общинах неисламских обществ, то «наблюдаются интересные изменения в религиозном мышлении и практиках мусульманских женщин в США, Индонезии и Южной Африке», – пишет Т. Осман [Osman 2016: 251] и добавляет важное замечание: «...это показывает, что, освободившись от определенного культурного влияния, мусульманское мышление может обеспечить значительные успехи в сферах, которые десятилетиями и даже веками отставали» [*Ibid.*]. Действительно, можно ожидать, что в странах Запада возникнут новые модернистские направления развития исламских общин и исламизма, особенно в отношении роли женщин в обществе.

Как уже было сказано, хотя на слуху террористические исламистские организации и акции в Европе, но на практике там весьма заметны и движения за модернизацию ислама, которая прохо-

дит в русле приспособления мусульманской религии к западным условиям жизни путем отказа от наиболее архаичных форм исламской традиции. Социологические исследования показывают, что для европейских стран характерен более низкий уровень религиозности мусульманского населения, чем для развивающихся стран Азии и Африки (например, в Косово и России религия очень важна для 44 % приверженцев ислама, в Боснии и Герцеговине – для 36 %, а в Албании – лишь для 15 % [Горохов 2015: 37]).

Таким образом, незаметно для внешнего мира наблюдается модернизация ислама в сторону западного образа жизни в общинах тех стран. При этом большинство мусульманских организаций так или иначе вписываются в европейский ландшафт.

Но изменение положения женщин и даже своего рода феминизация политического ландшафта может происходить не только в связи с курсом на западную модель, но и в странах, где господствует исламизм. Однако подчеркнем, что речь идет только об умеренном исламизме или постисламизме (как идеологии общества, уже пережившего радикальные эксцессы). Например, Гузия Мир и ее соавтор [Mir, Khaki 2015: 74] утверждают, что «в иранском контексте существуют два феминистских течения – светский феминизм и исламский феминизм». Эти авторы отмечают, что «мусульманских женщин можно узнать по одежде, а именно хиджабу. Некоторые, возможно, предпочтут чадру, но одновременно будут протестовать против статуса женщин как граждан второго сорта. Они настаивают на более лояльной трактовке правил шариата относительно женщин, которые, по их мнению, были истолкованы много веков назад в условиях общества с доминированием мужчин» [*Ibid.*: 89].

В целом путь к равноправию женщин в арабских и исламских странах, похоже, не является прямым. Скорее, он пойдет не в направлении секуляризма, а будет связан с эволюцией исламизма⁹. Например, авторы статьи «Исламизм, секуляризм и женский вопрос после “арабской весны”: свидетельства от “Арабского барометра”» [Fox *et al.* 2016] провели исследования в период после «арабской весны» в разных странах (Египет, Йемен, Тунис, Алжир,

⁹ Можно испытывать недовольство по поводу появления феминистских лидеров в фундаменталистских партиях [Mernissi 2002], но если события развиваются именно таким путем, нужно пытаться это использовать.

Ливан, Судан, Иордания, Ирак, Палестина). Они обнаружили возросшую поддержку «исламского феминизма» (равноправия полов на основе ислама) в указанный период и особенно в странах, затронутых «арабской весной», в то время как светский феминизм получает все меньшую поддержку. В большинстве исследуемых стран относительно высокий уровень поддержки равноправия полов существует с предпочтительно исламской трактовкой норм гражданского состояния [Fox *et al.* 2016; о понятии и практиках исламского, а также постисламистского феминизма см. также: Holdo 2017].

Постисламизм. В странах победившего исламизма, таких как Иран, Пакистан или Бангладеш (которая была частью Пакистана), исламизм, естественно, отличается от такового в Саудовской Аравии или Судане. Дело в том, что он постепенно перерождается в *постисламизм*.

Термин «постисламизм» стал популярен среди ученых, занимающихся исследованием целей исламистских движений, их социальными условиями и структурными возможностями [Holdo 2017: 1800]. Постисламизм предлагает общие принципы, объединяющие политическую реформу с религиозной. Исламистские партии смещают приоритеты в сторону вопросов меньшинств, молодежных и гендерных проблем, а также перенимают подход, основанный на правах, – вот реальные проявления постисламизма [Rana 2017; анализ постисламизма в Бангладеш см.: Hossain 2016, в Пакистане: Amin 2017]. С одной стороны, несмотря на видимый интеллектуальный вклад, постисламистские движения все же не смогли трансформировать свои идеи в пользующееся успехом общественное движение [Shahibzadeh 2016], но с другой – идеи постисламизма находят вполне практическое применение в политической и обычной жизни ряда исламских обществ, как мы показали выше. *Таким образом, в постисламизме мы видим заметную эволюцию исламизма в целом в магистральном (в общечеловеческом понимании) направлении, хотя и со значительной исламской спецификой* [о постисламизме см. подробнее: Grinin *et al.* 2018].

Новейшие явления среди исламистов. Военный переворот в Египте 2013 г. и отстранение «Братьев-мусульман» от власти, к которой они пришли законным путем, значительно изменили настро-

ения среди исламистов, подорвали у многих веру в мирный путь их «вращения» в политическую жизнь. В итоге многими исламистами сделаны неверные выводы из последних событий. Тарек Осман считает это очень серьезным переломом и, возможно, поворотным пунктом. Он пишет о том, что исламисты возвращаются к жертвенности, то есть террору, рискуют попасть в тюрьмы, тогда как им необходимо перестраиваться. Они возвращаются к идее влиять на мораль общества вместо участия в политической жизни. Вследствие этого ситуация «откатывается» назад, к началу политической эволюции исламистов, нарастает опасность новой радикализации ислама. Это умаляет значение их недавнего политического успеха (в 2011–2013 гг.) и сокращает надежды на политический успех в дальнейшем [см.: Osman 2016: 244–248].

В этой связи Осман говорит о дилемме, которая стоит перед исламистами. Те исламисты, которые возвращаются к строгим нормам ислама, консерватизму, могут не найти понимания у молодежи, которая начинает мыслить и жить по-другому. По мнению Т. Османа, исламская молодежь уже не готова к слепому подчинению, как раньше. Напротив, большие группы молодежи склонны к инновационному пониманию ислама [*Ibid.*: 245–246].

И действительно, то, что является силой исламистов, может стать их слабостью в случае, если часть молодежи потеряет к ним интерес. Кроме того, то, что молодежь является опорой исламистов, дает шанс надеяться, что по мере взросления и тем более старения этих молодых когорт социальная опора исламизма будет сокращаться. Поэтому можно согласиться, что исламизм – явление переходного периода [Yapp 2004: 181], но необходимо ясно понимать, что по времени этот переход все же довольно длительный (десятилетия). Однако исламизм все же не вечен, и его база будет так или иначе таять.

В любом случае борьба за молодежь – важнейший фронт в исламизме, на котором государство и светские организации должны делать многое. А умеренным исламистам необходимо по возможности еще более смягчить строгость идеологических догматов, чтобы успешнее вписаться в современный политический ландшафт. Таким образом, исламизм стоит на пороге изменений, хотя опасность его радикализации по-прежнему актуальна. Но мы наде-

емся, что по мере развития общества исламизм начнет все активнее трансформироваться в постисламизм.

Кроме того, представляется важным предположить, что с ростом уровня образования и культуры исламизм становится мягче и цивилизованнее. Так, Д. Ачилов и С. Сен [Achilov, Sen 2017] отмечают, что умеренный исламизм связан с высоким уровнем образования, в отличие от радикального исламизма¹⁰. Рост уровня жизни также может способствовать большей умеренности исламизма, обретению им приемлемых форм [*Ibid.*].

Таким образом, завершая статью, сделаем вывод. Исламизм имеет крепкие исторические корни, мощную цивилизационную и идеологическую основу, а также социальную базу, выполняет важные функции в обществе, хорошо организован, понятен массам, поддерживается снизу, поэтому в ближайшее время ждать его ослабления не приходится. Важнейшая задача – способствовать его смещению в сторону умеренности, сотрудничества с властью и другими странами, упору на усиление модернизации. Будем надеяться, что успехи модернизации будут поддерживать процессы уменьшения радикализации исламизма, делать исламистов большими прагматиками.

Литература

Ахмедов В. Светское и религиозное направление в арабском национальном движении // Россия и мусульманский мир. 2009. Т. 1. № 199. С. 146–155.

Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в. М. : Наука, 1984.

Горохов С. А. Религиозный фактор в политической жизни современной Индии // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2011. № 2. С. 104–110.

Горохов С. А. География ислама в современном мире // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Т. 1 / отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М. : Ин-т Африки РАН, 2015. С. 14–39.

Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

¹⁰ Вместе с тем необходимо отметить, что связь между образованием и радикализмом достаточно сложна и неоднозначна [см. подробнее: Grinin *et al.* 2018].

Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому. 2-е изд., испр. М. : ЛИБРОКОМ, 2010.

Гринин Л. Е. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / под ред. А. В. Коротаева, Ю. В. Зинькиной, А. С. Ходунова. М. : ЛИБРОКОМ/URSS, 2012. С. 188–223.

Гринин Л. Е. Исламизм и глобализация // Век глобализации. 2019а. № 1. С. 18–34.

Гринин Л. Е. Исламизм: история и современность // История и современность. 2019б. № 2. С. 3–35.

Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. 2-е изд. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Исламизм и его роль в исламском обществе: общие характеристики, функции и социальная база // Исламистские движения на политической карте современного мира. Вып. 3. Афразийская зона нестабильности / под ред. А. Д. Саватеева, Л. Е. Гринина. М. : Ин-т Африки РАН, 2018. С. 29–73.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Исламизм и его роль в современном исламском обществе. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2019.

Игнатенко А. Ислам и политика. М. : Ин-т религии и политики, 2004.

Игнатенко А. Эпистемология исламского радикализма // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко, С. Филатова. 2-е изд. М. : РОССПЭН; Моск. центр Карнеги, 2009. С. 175–221.

Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: сб. статей. Т. 2. Северный и Южный Кавказ / под ред. А. Д. Саватеева, Н. А. Нефляшевой, Э. Ф. Кисриева. М. : Ин-т Африки РАН, Рос. ин-т дружбы народов, 2017.

Кисриев Э. Ф. Зарождение радикальных исламских движений в Дагестане // Исламские радикальные движения на политической карте мира. Т. 2. Северный и Южный Кавказ / под ред. А. Д. Саватеева, Н. А. Нефляшевой, Э. Ф. Кисриева. М. : Ин-т Африки РАН, 2017. С. 203–251.

Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Исаев Л. М. Щит ислама? Исламский фактор распространения ВИЧ в Африке // История и Математика: аспек-

ты демографических и социально-экономических процессов / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева. Волгоград : Учитель, 2014. С. 184–193.

Левин З. И. Очерки природы исламизма. М. : ИВ РАН, 2014.

Мирский Г. И. Радикальный исламизм: идейно-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, июль 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com>.

Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М. : Российская газета, 2006.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004.

Царегородцева И. А. Исламский активизм: основные этапы развития идеологии // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Т. 2. Северный и Южный Кавказ / под ред. А. Д. Саватеева, Н. А. Нефляшевой, Э. Ф. Кисриева. М. : Ин-т Африки РАН, 2017. С. 93–111.

Яковлев А. И. Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного. М. : Ин-т стран Востока, 2015.

Achilov D., Sen S. Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? // International Political Science Review. 2017. Vol. 38. No. 5. Pp. 608–624.

Amin H. Post Islamism: Pakistan in the Era of Neoliberal Globalization. Lahore : International Islamic University, 2017.

al-Azm S. J. Islam, Terrorism and the West Today // Welt des Islams. 2004. Vol. 44. No. 1. Pp. 114–128.

Berman S. Islamism, Revolution, and Civil Society // Perspectives on Politics. 2003. Vol. 1. No. 2. Pp. 257–272.

Calvert J. Sayyid Qutb and the Origins of Radical Islamism. New York, NY : Columbia University Press, 2010.

Escobar P. Jihad 2.0: the Making of the Next Nightmare. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sputniknews.com/columnists/201705311054159721-jihad-balkans-next-nightmare>.

Fox A. M., Alzwawi S. A., Refki D. Islamism, Secularism and the Woman Question in the Aftermath of the Arab Spring: Evidence from the Arab Barometer // *Politics and Governance*. 2016. Vol. 4. No. 4. Pp. 40–57.

Grinin L. E. *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011.

Grinin L. E. *Macrohistory and Globalization*. Volgograd : Uchitel, 2012.

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. *Islamism, Arab Spring and Democracy: World System and World Values Perspectives*. Dordrecht; Heidelberg; New York, NY : Springer, 2018.

Hodgson M. G. S. 2009. *The Venture of Islam*. Chicago, IL : University of Chicago Press.

Holdo M. Post-Islamism and Fields of Contention after the Arab Spring: Feminism, Salafism and the Revolutionary Youth [Электронный ресурс] : *Third World Quarterly*. 2017. Vol. 38. No. 8. Pp. 1800–1815. URL: <https://doi.org/10.1080/01436597.2016.1233492>.

Hooper I. CAIR Welcomes AP Stylebook Revision of 'Islamist'. Council on American-Islamic Relations Press Release (March 11). Washington, DC : CAIR, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cair.com/press-center/press-releases/11808-cair-welcomes-ap-stylebook-revision-of-islamist.html>.

Hossain A. A. Islamism, Secularism and Post-Islamism: the Muslim World and the Case of Bangladesh // *Asian Journal of Political Science*. 2016. Vol. 24. No. 2. Pp. 214–236.

Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, NY : Simon & Schuster, 1996.

Ismail S. *Rethinking Islamist Politics: Culture, the State and Islamism*. London; New York, NY : I. B. Tauris, 2006.

Kepel G. *Jihad. Expansion et déclin de l'islamisme*. Paris : Gallimard, 2000.

Mernissi F. *Islam and Democracy: Fear of the Modern World*. 2nd ed. Cambridge, MA : Perseus Publishing, 2002.

Mir G., Khaki G. N. Globalization and Post-Islamic Revolution // *Journal of Globalization Studies*. 2015. Vol. 6. No. 1. Pp. 74–90.

Modernizing Islam: Religion in the Public Sphere in Europe and the Middle East / Ed. by J. L. Esposito, F. Burgat. London : Hurst & Co, 2003.

Osman T. *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT : Yale University Press, 2016.

Pipes D. The Western Mind of Radical Islam // First Things. 1995. December [Электронный ресурс]. URL: <http://www.danielpipes.org/273/the-western-mind-of-radical-islam>.

Pipes D. God and Mammon: Does Poverty Cause Militant Islam? // The National Interest. 2001–2002. No. 66 (Winter). Pp. 14–21.

Poljarevic E. Islamism [Электронный ресурс] : The Oxford Encyclopedia of Islam and Politics / Ed. by E. El-Din Shahin. Oxford : Oxford Islamic Studies, 2015. URL: <http://0-www.oxfordislamicstudies.com.mylibrary.qu.edu.qa/article/pr/t342/e0252>.

Rana M. A. Non-Fiction: The Failed Rationalist. 2017. July 23 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dawn.com/news/1347016>.

Shahibzadeh Y. Islamism and Post-Islamism in Iran. An Intellectual History. New York, NY : Palgrave Macmillan, 2016.

Woltering R. A. F. L. The Roots of Islamist Popularity // Third World Quarterly. 2002. Vol. 23. No. 6. Pp. 1133–1143.

Yapp M. E. Islam and Islamism // Middle Eastern Studies. 2004. Vol. 40. No. 2. Pp. 161–182.